

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Научная статья

УДК 94(4) "1492/1914"

doi: 10.17223/19988613/92/1

Петр I и Джон Ло

Алексей Александрович Балабин

*Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН;
Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия, balabin-a-a@mail.ru*

Аннотация. Рассматриваются вопросы взаимовлияния двух исторических личностей – царя Петра I и скандально известного финансиста Джона Ло. Показано, что зарождению легенды о их личном знакомстве способствовало соединение фактов одновременного пребывания Петра I и Джона Ло в Париже, взаимодействия русской делегации с банком Ло, а также неожиданного решения пригласить Ло на службу в Россию после провала затеянных им финансово-денежных реформ во Франции. Этому же способствовали не критически воспринятые отечественными историками сообщения и свидетельства современников Петра.

Ключевые слова: Петр Великий, Джон Ло, Миссисипский пузырь, финансовый кризис, русские люди во Франции

Для цитирования: Балабин А.А. Петр I и Джон Ло // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 92. С. 5–14. doi: 10.17223/19988613/92/1

Original article

Peter the Great and John Law

Alexei A. Balabin

*Institute of Economics and Industrial Engineering, of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia;
Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation, balabin-a-a@mail.ru*

Abstract. The article focuses on summarizing the data accumulated by domestic and foreign science on the mutual influence of the Russian Tsar Peter the Great and the French financier John Law, as well as on clarifying the possible origins of the legend about the personal acquaintance of these two historical figures. Both of them left a significant mark on the history of Europe. The first of them was the great reformer of Russia. The second went down in history as a professional card player, who became by the will of fate the finance Minister of France.

Both persons attract considerable attention of historians from France, Great Britain, the United States, and Russia. Important archival materials published in the works of E. Faure, A. Murphy, J. Buchan, S. M. Troitsky, S. A. Mezin and others can be noted. However, both of domestic and foreign authors, detailing the life paths of their chosen historical characters, ignore the question of their possible face-to-face meeting.

In 1717, Tsar Peter the Great and banker John Law had the opportunity to meet in Paris, where Tsar Peter arrived with a large Russian delegation. At present, no documentary evidence of their meeting has been found. However, the existence of indirect links between Law and Tsar Peter is beyond doubt. The funds for the tsar were transferred through the Law's bank. A French translation of John Law's most significant book was available in the Peter's Library in St. Petersburg. Peter followed John Law's initial success in France.

As is known, Law's financial experiment in France ended very badly. At first, the bank notes and stocks he issued in excessive numbers quickly rose in value, creating the so-called "Mississippi Bubble". The bubble burst with a loud bang in May 1721. Many Russian people who were in France at that time got into a very difficult financial situation because they could not get their money through the bankrupt bank of John Law.

Tsar Peter decided to invite John Law to the service, when John Law fled France after this country had been bankrupted by him. The envoy of Tsar Peter offered him a high rank, protection, serfs in exchange for activities to establish trade relations between Russia and Persia. Law declined the job and honors offered. And a possible personal acquaintance with Peter I did not take place once again.

It should be said that the possibility of a meeting arose twice – in 1717 and 1721. The first time when Peter and Law had the opportunity to meet in Paris was in 1717, and the second time it could be in 1721, if Law agreed to come to the service in Russia. That didn't happen. However, the assumption about the meeting has become a legend. The source

of this was only one reference to an unreliable witness, given in a note in the book of a French historian Pierre-Édouard Lémontey. This note was translated, picked up and transmitted (already in the affirmative form) by the Russian authors.

Keywords: Peter the Great, John Law, financial crisis, Mississippi bubble, Russians in France

For citation: Balabin, A.A. (2024) Peter The Great and John Law. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 92. pp. 5–14. doi: 10.17223/19988613/92/1

В 2020 г. исполнилось 300 лет с начала одного из крупнейших и известнейших финансовых кризисов в истории. Он стал окончанием одного из самых масштабных экономических проектов, который охватил целую европейскую страну. Автором проекта, вдохновителем и главным действующим лицом был Джон Ло (John Law of Lauriston), профессиональный игрок в карты, по воле судьбы ставший главным контролером (т.е. тогдашним министром финансов) Франции. И бурная жизнь Джона Ло, и его воззрения, и безрадостный итог его финансовых новаций привлекают к этой фигуре значительное внимание за рубежом.

В отечественной истории данный период связан с великими преобразованиями Петра I. Второе путешествие Петра по Европе, в частности посещение им Парижа в 1717 г., совпадает с парижским периодом деятельности Джона Ло в качестве банкира. И это не только хронологическое совпадение. Творческий характер Петра, его новые идеи по развитию России привлекли его внимание к преобразованиям Джона Ло и даже побудили пригласить того в Россию. Это обстоятельство породило сначала предположения (а потом и утверждения) об очной встрече Петра I и Ло в Париже, результатом которой якобы было последовавшее через несколько лет приглашение Ло на работу в Россию.

Цель данной статьи – обобщение данных, накопленных отечественной и зарубежной наукой по поводу взаимного влияния французского финансиста и русского царя, а также выяснение возможных истоков легенды о личном знакомстве этих двух исторических фигур. Мы постарались также оценить влияние, которое оказал Джон Ло на русских людей, оказавшихся наблюдателями или невольными участниками событий, приведших Ло на вершину французской власти, и его столь же стремительного падения.

Если говорить об источниках о жизни и воззрениях Джона Ло, то прежде всего следует отметить весьма существенную работу по поиску и каталогизации произведений Ло, которую провел известный бельгийский ученый Поль Арсен, составивший в 1934 г. трехтомник «Джон Ло: полное собрание сочинений» [1]. Имеются также фундаментальные академические монографии о его деятельности [2–3] и более или менее подробные жизнеописания Ло [4–6]. Сравнительно недавно изданы материалы (письма, записки, памфлеты) британских современников Ло, в числе которых был и Даниель Дефо [7]. По мнению одного из авторов, Ло даже вошел в почетный список ста великих экономистов докейнсианского периода (правда, рассказ о «знаменитости» уложился всего в две страницы) [8].

До 1917 г. в России вышли две работы, посвященные целиком Ло: одна из них принадлежала перу отечественного ученого [9], другая была переводом с немецкого книги австрийского автора [10]. Вплоть до настоящего

времени других книг, персонально посвященных Джону Ло, на русском языке не выходило.

В советской литературе этому персонажу уделялось совсем немного места [11]. Из числа значимых работ последнего времени упомянем журнальную статью А.В. Аникина [12], одну из глав его книги, выдержавшей уже несколько переизданий [13], а также раздел в книге С.Р. Моисеева [14], посвященный экономическим аспектам деятельности Ло во Франции. Следует отметить, что многочисленные источники в сети Интернет (особенно это касается русскоязычной его части) содержат зачастую не только неполную, но и явно ошибочную информацию о жизни и деятельности Джона Ло. Отчасти это связано с некритическим или некомпетентным подходом к переводам зарубежных научно-популярных и просто популярных источников.

Отечественная историография богата исследованиями о Петре Великом. Особенное внимание в нашей статье мы уделим труду известного журналиста и историка Н.А. Полевого по истории Петра Великого [15], замечательной подборке документов из Российского государственного архива древних актов, опубликованной С.М. Троицким [16], и монографии С.М. Мезина, в которой подробно рассматривается период пребывания Петра во Франции [17].

К сожалению, и российские, и зарубежные авторы, подробно излагая жизненные пути избранных ими исторических персонажей, оставляют почти без внимания вопрос об их возможном очном «пересечении».

Остановимся кратко на обстоятельствах жизни Джона Ло, приведших его в Париж. Сын шотландца, преуспевающего ювелира и ростовщика Уильяма Ло появился на свет в 1671 г. в Эдинбурге. Его отец умер, когда Джону было 14 лет, оставив ему значительное наследство и недавно приобретенный титул баронета. В 1691 г. Джон перебрался из сравнительно бедного Эдинбурга в Лондон. Молодой человек («Красавчик Ло», как его тогда называли) вел праздный образ жизни, проводя время за азартными играми в карты и на теннисном корте. Печальный итог этому периоду жизни Джона подвела дуэль в апреле 1694 г., на которой он убил своего противника. В результате Ло был осужден английским судом на смертную казнь, но ему удалось бежать в Голландию.

В течение последующих лет он ездил по Европе, останавливаясь для карточной игры во всех крупных городах Голландии, Германии, Италии и Франции. В ходе своих путешествий он познакомился с деловыми обычаями и работой финансовых учреждений в разных странах. Особенно в этом отношении продвинулась Голландия. Амстердамский банк был в то время крупнейшим международным расчетным центром Европы, билеты и векселя банка имели хождение во многих странах. Активно работала Амстердамская биржа, где

проходили торги товарами, акциями и долговыми обязательствами. В Италии Ло наверняка получал услуги старейших европейских банков Флоренции, Венеции, Рима.

Отметим, что экономика как научное направление к тому времени еще окончательно не оформилась. Вообще всякий грамотный и творчески мыслящий человек мог стать «экономистом», направив знатному лицу или опубликовав для широкой публики свои соображения о возможных источниках обогащения. Одним из таких людей стал и Джон Ло.

Наиболее известный труд Ло под названием «Деньги и торговля, рассмотренные в связи с предложением об обеспечении нации деньгами» [18], был издан в 1705 г. в Эдинбурге. Он представлял собой проект для парламента Шотландии и содержал в обширной первой части теоретическое обоснование предлагаемых мероприятий. По мнению Ло, наиболее верное средство стимулирования экономического развития – это увеличение количества денег в стране. Однако если денег в виде звонкой монеты в стране не хватает, их можно создать искусственным путем – осуществив с помощью особого банка эмиссию бумажных денег (сейчас их называют банковскими билетами, денежными купюрами или банкнотами) под залог земельной недвижимости. Новизна идеи состояла в дополнении металлической монеты, которая в Шотландии была в дефиците, банкнотами и увеличении на этой основе оборотов производства и торговли [10. С. 69–90].

Шотландский парламент обсуждал проект Ло (наряду с другими аналогичными), однако отверг его [3. Р. 73–75]. Для того чтобы планы Ло имели шанс осуществиться, должны были возникнуть особые обстоятельства. Такие условия сложились в 1710-х гг. во Франции. Первое пребывание Джона Ло в Париже относится к 1708 г. Как и всегда, его основной целью было профессиональное участие в крупной карточной игре. Для этого он завел полезные знакомства со знатными особами, в том числе с Филиппом II, герцогом Орлеанским, слабовольным и распущенным племянником тогдашнего короля Франции Людовика XIV. Франция, хотя и оставалась одной из самых сильных в военном отношении стран Европы, переживала далеко не лучшие времена. Длительная Война за испанское наследство, которая закончилась Утрехтским миром лишь в 1713 г., строительство Версаля и роскошная жизнь короля-солнца и его приближенных разоряли страну.

Желание получить опережающим образом суммы налогов привело к широкому привлечению откупщиков. Будущие налоги, авансированные откупщиками на несколько лет вперед, были уже истрачены королевским двором.

Государственное учреждение, ответственное за займы – Касса займов (*La Caisse des emprunts*), созданное еще Кольбером и первоначально привлекавшее займы (так называемые ренты) под 5% годовых, вынуждено было поднять доходность до 8%, а в 1705 г. – до 10% годовых [14. С. 167]. Наряду со срочными рентами продавались и пожизненные, по которым проценты выплачивались до смерти их держателя. Занимали с помощью долговых расписок и другие государственные

ведомства и даже их подразделения, которые вступали друг с другом в конкуренцию на долговом рынке [10. С. 16–24]. К примеру, свои долговые расписки на предъявителя (*billets de monnaie*) выдавал Монетный двор.

Другим источником доходов служила продажа государственных должностей. Формально любой человек, располагавший деньгами, мог внести крупный денежный залог, занять соответствующую должность и получать ежемесячное вознаграждение, даже не исправляя своей работы. Правда, необходимо было проявить определенную изобретательность в названии должностей королевских чиновников: к ним относились, например, контролеры париков, инспекторы и измерители строительного камня, досмотрщики свиней и поросят, счетчики сена, смотрители при складывании дров, надзиратели за свежестью масла и др. [10. С. 6–15].

Наконец, третий немаловажный источник пополнения финансов составляли манипуляции государства с принудительной сменой курса ливра (тогдашней расчетной денежной единицы) к используемой в обороте золотой и серебряной монете и связанной с этим перечеканкой монеты [3. Р. 150–153].

Однако в первое пребывание Ло в Париже ему не удалось опробовать на практике свои финансовые идеи. Спустя несколько месяцев его высылают за пределы Франции, мотивируя тем, что он слишком искусен в карточных играх.

Второй шанс предоставился Джону Ло в 1715 г., когда скончался Людовик XIV. Внуку и наследнику умершего короля Людовику XV исполнилось всего пять лет. Регентом при малолетнем короле становится герцог Орлеанский.

Отметим, что к этому времени финансовые проблемы Франции только усугубились. Общая величина госдолга достигла 2,8 млрд ливров, из которых более 1 млрд ливров приходилось на бессрочные ренты, а 830 млн ливров представляли собой залоговые по проданным должностям [14. С. 168].

Регент и вновь назначенный генеральный контролер (министр финансов) герцог де Ноайль предприняли чрезвычайные меры для поиска новых источников доходов. Были несколько уменьшены расходы на содержание королевского двора, сокращена армия, сняты ограничения на торговлю хлебом. Объявлена новая перечеканка монеты. Принудительно реструктурированы ренты Кассы займов со снижением процентных ставок по ним. Была списана часть текущего долга госучреждений, другая его часть переоформлена в государственные 4-процентные обязательства (*billets d'Etat*). Были введены чрезвычайные процедуры дознания и конфискации незаконно нажитой собственности через особую Судебную палату (*Chambre de justice*), действовавшую в 1716–1717 гг. Эти меры позволили несколько выправить текущую финансовую ситуацию, но одновременно привели к чрезвычайно угнетенному состоянию дел во всей Франции. Вера французов в незыблемость обязательств государства, неизменность монетного стандарта и правосудие была окончательно подорвана [10. С. 31–48].

Именно в это время идеи Джона Ло становятся особенно привлекательными. Правда, первый пункт

прежнего плана (организация государственного банка, выпускающего билеты до востребования) в силу недоверия французского общества к государственным институтам в тот момент не мог быть исполнен.

Пользуясь доверием и поддержкой герцога Орлеанского, Ло подает прошение об учреждении частного Генерального банка (*Banque générale*) и в мае 1716 г. получает патенты на его организацию. Банку были позволены выпуск банкнот, обмениваемых на монету по предъявлении, прием денежных депозитов, выдача собственных векселей. При этом банку не разрешалось выдавать кредиты и займы, однако он мог приобретать торговые бумаги и принимать к платежу векселя третьих лиц.

Немаловажным обстоятельством было то, что банку разрешалось вести счета в серебряных экю. Это подразумевало учет не только количества монеты, внесенной на банковский счет, но и содержания в ней драгметаллов, и давало решающее преимущество по сравнению с приемом и хранением обычных монет: в условиях постоянных «игр» государства с перечеканкой монеты банк фактически давал обязательство выдавать владельцу то количество драгоценного металла, которое тот внес на свой счет.

Первоначальная деятельность банка характеризовалась обязательностью, небольшими размерами операций и низкими ставками учета векселей. И учредители оказывали посильную помощь. Так, циркуляры де Ноайля в октябре 1716 г. рекомендуют, а в апреле 1717 г. обязывают принимать банкноты банка для уплаты налогов и пошлин.

Таким сложился ко времени приезда делегации русского царя в Париж общественный и «финансовый» статус Джона Ло – преуспевающего директора частного французского банка, имеющего крепкие связи при королевском дворе.

Общей целью поездки Петра I в Европу было решение политических задач, направленных на успешное завершение Северной войны со Швецией. Дипломатические переговоры должны были облегчить России успешный выход из затянувшейся войны. Однако не менее важной движущей силой были любознательность царя, стремление приобрести и перенести на российскую почву полезные знания, ремесла и искусства. Петр также хотел поправить пошатнувшееся здоровье на европейских водных курортах.

Непосредственно во Франции, куда Петр прибыл из Голландии и Фландрии, он пробыл с 21 апреля по 24 июня 1717 г. В Париж он приехал, ненадолго останавливаясь по дороге в небольших городках, 7 мая 1717 г. Следующие три дня были посвящены официальным визитам и приемам. В частности, состоялась официальная встреча Петра I и малолетнего Людовика XV, хотя никакого политического значения она иметь не могла. Переговоры велись с регентом и его приближенными.

Не останавливаясь на итогах дипломатических встреч (а они были не слишком велики), отметим в качестве одного из достижений учреждение в августе 1717 г. постоянного представительства (посольства) России во Франции, глава которого сыграл далее определен-

ную роль в формировании взглядов Петра на деятельность Ло. Помимо небольшой официальной части, программу пребывания в Париже Петр формировал по собственному желанию, иногда даже не предупреждая принимающую сторону.

Петр посещал достопримечательности Парижа и его окрестностей, а также мануфактурные, военные, научные учреждения (Арсенал, Монетный двор, Ботанический сад, Академию наук, Академию живописи, обсерваторию, мануфактуру Гобеленов, заводы и т.д.). Не оставил он своим вниманием и парижские мастерские и магазины, где приобретались книги, лекарские и научные инструменты, предметы роскоши, а также обычные вещи – мебель, письменные принадлежности, ткани для одежды [17. С. 60–77].

Отметим, что в сферу интересов Петра входило прежде всего то, что мы бы назвали «реальной экономикой» и «реальной политикой». Неудивительно, что в круг его общения не попали многие «беспользные», с его точки зрения, особы, к которым, вероятно, относились и банкиры. В число десятков лиц, общение с которыми зафиксировано документально [17. С. 289–298], Джон Ло не вошел. Известна личная встреча лишь с одним парижским финансистом, А. Огюз, однако поводом были не финансовые вопросы, а некая хранящаяся у того диковина [17. С. 74]. Откуда же взялся гуляющий по страницам Интернета и даже в книгах [15. С. 49] миф, будто бы царь не только встречался, но и имел длительную беседу с Джоном Ло?

Проанализируем подробно документальные свидетельства о контактах делегации Петра I и его сподвижников по финансовым, деловым и житейским вопросам, которые решались с помощью банка Джона Ло. Заметим, что описанные выше серьезные финансовые проблемы Франции в то время никак не затронули русскую делегацию. Вместе с тем определенный вывод о благосостоянии рядовых французов, сильно упавшем в ходе правления Людовика XIV, Петр все же сделал в письме к жене от 10 мая 1717 г. о поездке через Францию в Париж: «А сколько дорогою видели, бедность в людях подлых великая» [15. С. 90].

При этом французская сторона (которая, как ранее описывалось, находилась в крайне стесненном финансовом положении) была все же несколько озабочена текущим содержанием русских (а это было более 60 человек, включая слуг). Камер-юнкер де Либуа, которого регент выслал встречать Петра, получил деликатное задание обсудить вопросы денежного содержания царя и его свиты во время пребывания во Франции. Королевский посланник был уполномочен предложить на содержание русского посольства фиксированную сумму в 1 200–1 500 ливров в день, не считая расходов на кареты. Так и не успев поговорить по этому вопросу, Либуа позже получил указание не говорить с русскими о затратах, не показывать стремления к экономии [17. С. 79]. Таким образом, «русские туристы» проживали, питались и путешествовали за счет французской короны.

Известно, что текущие расчеты русской делегации везде велись в золотой и / или серебряной монете. Специально к путешествию Петра в 1716 г. были отпеча-

нены отечественные монеты – особого вида золотые червонцы. Русский червонец 1716 г. примечателен тем, что это единственная подлинная отечественная монета, которая имеет надписи, сделанные на латинском языке. Штемпели для него были изготовлены в Нюрнберге мастером Генрихом Мюллером [19. С. 7]. Для более мелких расчетов имела и серебряная монета – ефимок, или талер (Joachimsthaler), различные варианты которого имели хождение во многих европейских странах. Однако для расчетов на территории Франции, естественно, предпочтительной являлась монета французской чеканки. Поэтому один из источников получения «местной» валюты для русской делегации состоял в обмене привезенных червонцев на луидоры. Первый такой обмен состоялся 24 апреля, затем 25 мая и 19 июня 1717 г. [17. С. 220]. Подьячий Иван Черкасов, совершивший первую обменную операцию, довольно сильно прогадал в валютном курсе: «...променено в Дункеркене 32 червонных на луидоры, которых взято 8» [17. С. 220]. Таким образом, курс обмена составил 1 луидор = 4 червонца, в то время как в действительности, исходя из весовых характеристик монет, 1 луидор (приблизительно 7 г золота) = 2 червонцам (около 3,5 г золота).

Вместе с тем перевозить, хранить при себе и обменивать большую сумму в металлической монете было неудобно. В то время «продвинутый» способ перечисления денег (которым и пользовался в поездке Петр) состоял в составлении и последующем предъявлении к платежу переводных векселей. Как известно, Россия в это время активно торговала с Голландией, где скапливался определенный объем наличной монеты. Суть «безналичного перевода» состояла в приобретении переводного векселя за наличные в Амстердаме и последующем его предъявлении к акцепту (и платежу) в Париже. Так, 18 апреля 1717 г. Петр I послал из Кале в Амстердам наказ торговому агенту Т.Т. Левкину о необходимости перевода в Париж крупной суммы денег: «По получении сего переведи немедленно (ис тех ефимков которые у тебя в Амстердаме есть) в Париж десять тысяч ефимков, чтоб отдали в Париже французскою манетою по курсу нынешняго векселя что надлежит, и переведи те денги с совету господина Бранта на имя добрых банкиров, чтоб могли те денги в Париже скорая получить и пришли те вексели к нам в Париж» [17. С. 219]. Как видим, имело место распоряжение выписать в одном из амстердамских банков, который выступал как векселедатель, переводной вексель на 10 тыс. ефимков, акцептантом (плательщиком) по которому будет выступать надежный банк в Париже. С большой долей уверенности можно сказать, что в силу срочности вексель имел срок платежа «по предъявлении». Ремитентом (первым векселедержателем) по векселю выступал Левкин. После получения векселя он должен был составить на его обороте передаточную надпись (индоссамент) на имя следующего векселедержателя (им был выбран Иван Толстой, прибывший в Париж раньше царя Петра) и отправить вексель с нарочным из Амстердама в Париж. Получив вексель, Толстой мог предъявить его к платежу в парижский банк сам либо передать (индоссировать) его

другому лицу. А в качестве банка-акцептанта («доброто банкира») был выбран Генеральный банк, которым руководил знакомый нам Ло. Таким образом, банк обслуживал безналичные денежные переводы русской делегации. Однако трудно себе представить, чтобы царь самолично ходил в Генеральный банк предъявлять векселя к платежу и получал монету из рук Ло. Это делал упомянутый выше Черкасов, который 31 мая и 1 июня 1717 г. ездил к банкиру получать деньги по векселям [17. С. 220].

Конечно, нельзя исключить, что Джон Ло мог присутствовать в свите своего патрона, герцога Орлеанского, на какой-либо из его официальных встреч с Петром. Но встречи проходили по строгому протоколу, их никак нельзя было использовать даже для знакомства.

Укажем и на еще один косвенный признак личного незнания Петра и Ло. Практически всегда при встрече с Петром его собеседники передавали тому памятные подарки, образцы продукции, планы, книги, свидетельствующие о почтении царю и / или в расчете на заказ. Зная характер Ло и его постоянное стремление продвинуть свои идеи, можно было бы ожидать от него при очной встрече с Петром вручения ему своего основного труда, опубликованного в 1705 г. В описании библиотеки царя Петра [20. С. 133] мы действительно можем найти книгу Ло, но не первое издание, а перевод на французский язык, сделанный в 1720 г. [21]. То есть эта книга попала в библиотеку гораздо позднее времени путешествия царя во Францию и не могла быть презентована автором при очной встрече. Более того, и в дальнейшем Джон Ло никогда бы не послал издание 1720 г. русскому царю.

Упомянутый выше французский перевод книги, *Considérations sur le commerce et sur l'Argent* par Mr Law Contrôleur General des Finances, был опубликован голландским издателем Жаном Нолмом (Jean Neaulme) летом 1720 г. в Гааге. Помимо основного текста книга была снабжена портретом автора и предисловием издателя, однако вызвала сильное недовольство Ло. Это привело к несколько необычной ситуации, когда автор сам пытался изъять свое собственное сочинение из продажи. Попытки запретить распространение издания можно обнаружить в переписке французского посольства в Гааге, выдержки из которого опубликованы в [3. Р. 290–292].

В кратком изложении эта история состоит в следующем. 30 августа 1720 г. из Парижа было отправлено письмо графу де Морвиллю (Morville), французскому послу в Гааге. Морвиллю писали, что Ло рассердился из-за того, что эта книга была опубликована под его именем. Отмечалось, что нет никакого смысла пытаться изъять эту книгу, поскольку она уже напечатана и большое количество экземпляров распространено, тем не менее было указано, что г-н Ло хотел бы, чтобы были приняты все меры для изъятия тех экземпляров, которые остаются непроданными. Неизвестный автор письма (возможно, это был аббат Дюбуа, в то время французский министр иностранных дел) указывал, что единственный способ добиться этого – скупить непроданные экземпляры. Пишущий признает, что даже это в свободной стране не помешало бы новому изданию.

Несмотря на это, для доказательства того, что сделано все возможное, чтобы уничтожить тираж, послу было поручено скупить все оставшиеся непроданными экземпляры и попробовать убедить голландских судей сделать все возможное, чтобы предотвратить дальнейшие переиздания.

Четыре дня спустя, 3 сентября 1720 г., Морвиль отвечает, что намерен приобрести все оставшиеся экземпляры книги и сделает все возможное, чтобы предотвратить публикацию новых тиражей. Еще три дня спустя он сообщает, что организовал покупку 430 экземпляров книги через посредничество своего друга-книготорговца. Кроме того, он примет необходимые меры, чтобы другие экземпляры были сняты с продажи у книготорговцев в Амстердаме, Роттердаме и Делфте в течение четырех-пяти дней. Помимо этого, сообщается, что общий тираж книги составлял около 1 500 экземпляров.

Парижское руководство поблагодарило Морвиля в письме от 13 сентября 1720 г. Ему было предложено продолжать свои усилия по блокированию продажи книги Ло и не допускать впредь публикации второго издания. Позже Ло признавал, что он пытался пресечь публикацию и продажу *Considerations...* В 1722 г. в письме от 16 марта сербскому графу Розембергу (Rosemberg) Ло пишет, что «эта книжица, в которой я указан автором, была напечатана в Голландии. Я пресек ее [распространение]. Она написана довольно плохо, в ней содержатся мои размышления, которые я записал шестнадцать лет назад по просьбе моих друзей, когда был в Шотландии. Есть кое-что хорошее в идее денег, основанных на земле, но с тех пор я много размышлял над этим вопросом и нахожу [в ее осуществлении] большие трудности» [3. Р. 290].

Однако, вероятнее всего, дело было не в эволюции теоретических воззрений Ло. Упомянутый выше французский перевод книги Ло, вышедший в Гааге в 1720 г. на пике популярности финансиста, делался со второго издания труда Ло на английском языке [22]. В отличие от первого, анонимного шотландского издания, на этот раз на титульном листе стояло имя автора: «М-р Джон Ло, ныне директор Королевского банка в Париже». В двухстраничном предисловии «Обращение книгопродавца к читателю», которое было включено и во французский перевод, рассказывалось и о том, что Ло добивался помилования от английской короны в связи с убийством противника на дуэли в Лондоне в 1694 г. [21. Р. 2]. Понятно, что шотландец не хотел, чтобы широкая публика узнала, что он был осужден за тяжкое преступление, что ему был вынесен смертный приговор и что он бежал из тюрьмы и скрывался от британского правосудия. Книга с таким предисловием никак не годилась в подарок кому-либо, не говоря уж о презентации Петру I.

Вернемся, однако, к истокам легенды о личном знакомстве Ло и Петра. Возможно, невольным источником предания стал автор фундаментального труда «История регентства и несовершеннолетия Людовика XV до министерства кардинала де Флери» Пьер-Эдуард Лемонте (Pierre-Édouard Lémontey; 1762–1826). Лемонте, описывая, в частности, бегство Ло из Франции и его пребывание в Брюсселе в 1721 г., делает да-

же не в основном тексте, а в примечании, следующее замечание о встрече Ло с посланником Петра: «Это был Багерель де Плесси. Он происходил из Шамбери, и сам был человек с проектами. Де Пресси в 1735 году рассказывал хранителю печатей Шовлену (Chauvelin), что он имел поручение от Петра Великого привезти Ло в Россию. По условиям поручения, кажется, Ло обещал царю в 1717 году отправиться в другие государства и обогатить их, после того как принесет удачу Франции» [23. Р. 342–343]. Следует отметить, что авторитетный историк Лемонте сам сомневается в достоверности события, зафиксированного в ходе беседы двух пожилых людей через 18 лет после того, как это событие произошло.

Однако примечания тоже читают, в том числе и в России. Николай Алексеевич Полевой, журналист, писатель и историк, в 40-х гг. XIX в. затеял многотомную работу «История Петра Великого». Наверняка он знакомился с литературой по данному вопросу, в том числе с вышедшим в 1832 г. трудом Лемонте. В 1843 г. выходит четвертая часть его «Истории...», где он повторяет примечание французского автора, но уже без тени сомнения, в утвердительной форме и в основном тексте [15. С. 42–43].

Аналогично поступил позже и российский автор книги, специально посвященной Джону Ло, Иван Кондратьевич Бабст. Уже не сомневаясь, со ссылкой на уважаемого Лемонте он пишет: «В Брюсселе нагнал его (т.е. Ло. – А.Б.) русский посланник, не заставший его уже в Париже, и вручил письмо от Петра Великого, который предлагал ему управление финансами. Петр виделся с Ло и беседовал с ним в бытность свою в Париже в 1717 году» [9. С. 176]. Первое утверждение в приведенной цитате является установленным историческим фактом, второе ничем, кроме одного нетвердого воспоминания, не подтверждено.

Понятно, что в настоящее время многие, основываясь на перечисленных «документальных» источниках и их многочисленных переложениях в Интернете, уже не сомневаются в парижской встрече Ло и Петра I.

Со своей стороны, обобщая вышесказанное, скажем, что до настоящего времени не обнаружено никаких четких документальных свидетельств личного знакомства Ло и Петра I. Однако участие банка Ло в финансовом обслуживании русской дипломатической миссии тоже не вызывает сомнений.

Между тем дело Ло, запущенное им в 1717 г., первоначально привело его к успеху. Генеральный банк, который он основал, был в декабре 1718 г. национализирован и стал Королевским банком (*Banque royale*). Была также основана Индийская компания, которая получила монопольные права на торговлю сначала с североамериканской Луизианой, а потом и с другими заморскими колониями Франции. Французы же по старой традиции продолжали называть торговую компанию «Миссисипской компанией», а выпущенные ею акции – «миссисипскими акциями». Организованная Ло система маркетинговых мероприятий и активная реклама привели к раскрутке выпущенных им финансовых инструментов. На ажиотажной волне его банк выпускал все больше своих билетов, а его компания –

все больше акций, которые быстро росли в цене непропорционально будущим дивидендам.

Лихорадочная торговля охватила все слои общества как в Париже, так и в других городах, и не только во Франции. Это явление вошло в экономическую историю как «Миссисипский пузырь». В январе 1720 г., на волне краткосрочного успеха, регент назначает Ло генеральным контролером (министром финансов) Франции. Итог ажиотажа известен: цена акций пошла вниз уже в феврале–марте 1720 г. Попытка зафиксировать цены акций на определенной величине была неудачной. Пузырь окончательно лопнул в мае 1720 г., оставив в дураках всех держателей акций (правда, кроме, регента и его приближенных, которые сумели вовремя обменять свои банковские банкноты и миссисипские акции на звонкую монету и / или приобрести недвижимость).

Что касается русских людей в Париже, в том числе и оставленных после отъезда дипломатической делегации для выполнения поручений Петра, то они пострадали от финансового кризиса едва ли не больше, чем остальные французы. Вот как эти обстоятельства описываются в письмах в Петербург денщика Петра А.И. Юрова, следившего в Париже за выполнением царских заказов, кабинет-секретарю царя А.В. Макарову. В письме от 15 июля 1720 г. он сообщает: «Не мог сего оставить, чтоб вам не донести о здешних делах, что во Франци[и] ныне делается, а имянно, что Франция пришла в великую скудость, понеже ни у ково денег нет ничево, а ходят толко билеты банковыя, которых в комерцию нихто не берет, отчего много помирало з голоду. А в банке не платят болше десяти гулденов, а ныне и ничего не дают. Но когда платили оныя по десяти гульденов билеты, тогда множество великое приходило народу, и от тесноты и от жажды великой, чтоб иметь деньги, нахаживали мертвых человек по 30 и по 40 в день в банке... и отчего нынече раптание в народе, хотя господин регент для своего охранения привел в Париж з дватцать с пять тысяч человек (войск. – А.Б.), но я опасаяся, чтоб чего не случилось» [24. С. 187].

В письме от 27 ноября 1720 г. Юров докладывает Макарову о приостановке исполнения поручения Петра: «Вексель, которой изволили послать... для переводу ко мне денег на заплату живописцу, но оной банкир, на которого оной вексель написан, учинился банкротом, не заплатя денег... А живописец мне сказал, что работать не может без денег, ибо он итак разорился от билетов. И я не знаю, что ныне делать, ... а нынече на деньги вексель очень низок... Я трудился здесь, чтоб у кого занять хотя тысячи две ливров, но воистинну не мог сыскать ни ста гулденов, понеже всяк требует вексели на какое место» [24. С. 188]. То есть Юров пытался продать составленный в Амстердаме вексель за 2 тыс. ливров, но никто не соглашался купить его даже за сто гулденов, узнавая, что место платежа по нему – разорившийся Королевский банк.

Трудно складывались и личные финансовые дела русских. Посланные в 1717 г. в Париж изучать науки Иван Каргопольский, Тарасий Посников и Иван Горлецкий, получившие стипендию банкнотами Королев-

ского банка, к осени 1720 г. очень остро почувствовали кризис на себе: «Доносим вашему превосходительству, что когда мы были высланы в Париж, и мы жили без жалованья в Париже больше года, а имянно: с октября месяца 4-го числа 1717 году даже до марта месяца 9-го числа 1719 году, и о том просили вашего превосходительства, чтоб позволили доложить царскому величеству, чтоб за оной 1718 год нам выдали жалованье против нашего определения, которое мы получили в 1719-м году, понеже мы приняли [в качестве жалования] на нынешний на 1720-й год деньги бумагами, а ныне тем бумагам ходу нет по их цене, для того, что которые были по сту ливр, ныне те только ходят по двадцати ливр, а которые были по десяти ливр, те только ходят по две ливры и меньше. Тако же и другие по пропорции умалились, ради которого случая мы имеем нужду и препону к науке велику» [16. С. 135–136]. Текст этого письма от 28 сентября 1720 г. студенты без всяких изменений послали Макарову еще раз 4, 7 и 14 ноября 1720 г.

В письме от 2 декабря от Юрова Макарову читаем: «Просим, государь, о жалованье, понеже время прошло, а мы истинно разорились от билетов, которые ходят тысячной по осмидесяти франков, а сотенно[й] по десяти» [24. С. 189]. Таким образом, курс обмена банкнот на монету, составлявший в середине года 5:1, упал к декабрю до 10:1.

В сложную финансовую ситуацию попал и «Арап Петра Великого», во крещении Абрам Петрович Ганнибал. Он прибыл во Францию в составе свиты Петра в 1717 г. и жил там для обучения военному делу вплоть до конца 1722 г. Понятно, что финансовый кризис, связанный с падением банка и компании Ло, ударил и по нему, о чем он писал 5 марта 1722 г. тому же Макарову: «И вот разсуди, государь мой, что мы здесь все в долгу не от мотовства, но от бумажных денгах, о чем вы, я чаю, известны через графа Мусина-Пушкина, какое здесь житие было здешними денгами, и ежели бы здесь не был Платон Иванович, то бы я умер с голоду: он меня по своей милости не оставил, что обедал и ужинал при нем по вся дни. Которые жалования получили от вас, нам выдали здесь бумагами, которые ни во что пропали, болшая часть еще у меня осталися, что ни во что нигодятся». И далее, в конце того же письма: «Христа ради, мой Милостивой государь, прикажите прислать жалования на 1722 год, истенно бумажные денги французские умарили с голоду, что поят и кормят в долг» [25. С. 211–212]. Спасителем Абрама от голода в письме назван поручик гвардии граф Платон Иванович Мусин-Пушкин, который прибыл в Париж в июле 1720 г. (т.е. в самый острый период кризиса) с дипломатическими целями. Вероятнее всего, учитывая финансовый коллапс, он благоразумно отказался от вексельных и иных операций с Королевским банком.

Как это ни удивительно, труд Ло был очень быстро переведен на русский язык. Конечно, «благая весть» пришла не от пострадавших «командировочных» в Париже. Один из молодых людей, князь Иван Андреевич Щербатов, находившийся по наказу Петра в 1719–1721 гг. на обучении в Англии, уже в феврале 1720 г.

перевел главный трактат Джона Ло на русский язык. Рукописный перевод, названный «Деньги и купечество, рассуждено с предложениями к присовокуплению в народе денег через господина Ивана Ляуса, ныне управителя королевского банку в Париже» был послан Петру I и сохранился в его библиотеке [20. С. 34].

Вряд ли Щербатов мог найти первое шотландское издание труда Ло 1705 г. Скорее всего, он делал перевод по уже упоминавшемуся лондонскому или даже по французскому изданию книги 1720 г. Ясно, что Иван Андреевич, которому было в ту пору 24 года, наблюдал за французскими событиями со стороны и, очевидно, был сильно впечатлен сообщениями о первоначальных успехах Джона Ло во Франции. В посвящении царю Щербатов пишет: «Господин Ляус, славный министр во Франции, нашел замечательные способы чрез исполнение чего доходы государственные и купечество во Франции пришли в лучшую степень... Чрез установления банку и компании купечества видима есть прибавка во Франции обращения денег и издержки товаров» [16. С. 97].

Вернувшись в Россию в сентябре 1721 г., Щербатов формулирует свои предложения о финансовых преобразованиях в отечестве в докладной записке, в которой предлагает организовать государственный банк для выпуска векселей: «Управителем банку повелеть напечатать обещательных писем на толикое число денег, сколь вашего величества доходу в год збирается» [16. С. 122]. Кроме того, «по напечатании помянутого числа банковых писем дать позволение управителем банку печатать столь много писем, сколь кто денег похочет за оные в заклад в банке положить и повелеть оным банковым письмам во всяких платежах також де за деньги ходить» [16. С. 123]. Отметим, что при переводе Щербатов дает «кальку» с незнакомого ему английского термина *promissory note* – «обещательное письмо». Как уже отмечалось, ныне в русском языке этот термин означает «простой вексель». Далее по тексту Щербатов переходит к термину «банковые письма» (англ. *bank note*), имея в виду уже денежные обязательства до востребования, выпущенные банком.

Определенную роль в популяризации фигуры Джона Ло в глазах царя Петра сыграл недавно назначенный полномочный посланник (посол) России во Франции барон Ганс Христофор Шлейниц. В сообщении из Парижа от 8 января 1720 г. Шлейниц извещал царя о том, что Ло находится в зените своего могущества и играет большую роль не только в финансовых, но и в дипломатических делах. Два месяца спустя Шлейниц информировал русское правительство о предпринимаемых регентом Франции мерах по уменьшению дороговизны в стране и поднятию курса находящихся в обращении бумажных денег. В апреле он даже добился личной встречи с Ло, в ходе которой обсуждались вопросы развития взаимной внешней торговли. Переговоры Ло с Шлейницем свидетельствовали о том, что Франция пыталась использовать новую обстановку в Европе и с помощью России найти ближайшие пути к рынкам азиатских стран как на суше, так и морем, через Северный Ледовитый океан. В письме от 17 июня 1720 г. Шлейниц докладывает Петру I, что он беседо-

вал с Регентом и Ло: «Господин Лау особливо сие последнее ставит за дело великой пользы при будущем учреждении коммерции между в. в-вом и Францией, понеже... товары, которые ис Персиды и Китай чрез земли в. в-ва по намеренному будущему учреждению во Францию ходить имеют легко...» [16. С. 113].

Наряду с этим Шлейниц сообщает и об охвативших столицу беспорядках. Так в мае 1720 г. он пишет, что Париж «в великой опасности от бунта обретается для оскудения в потребных запасах, понеже... никакого вывозу из деревень суды не бывало» [16. С. 114]. В июльском донесении Шлейниц описывает давку, возникшую при попытке обменять банкноты на монету в Королевском банке, и о том, что погибших при этом понесли с громкими криками к резиденции регента, в Пале-Рояль, где их встретила вооруженная охрана. В декабре того же года Шлейниц сообщает и об «эвакуации» (с разрешения властей) Ло за границу: «Ляус с позволением и паспортом от регента через Женев в Рим поехал, дабы свою особу в совершенную безопасность привезть» [16. С. 117].

Однако происходящие финансовые потрясения и бегство Ло посол описывал в письмах как бы параллельно с торговыми переговорами, не связывая их с внутренней нестабильностью «финансового пузыря», надутого Ло. Не разобравшись в сути происходящего, Шлейниц вольно или невольно создавал у царя ложное впечатление о Ло как о высокопрофессиональном государственном управленце. Отметим, что Петр I, вероятно, был не очень доволен работой посла и не доверял ему. Упомянутому ранее П.И. Мусину-Пушкину было велено действовать секретно от Шлейница. И уже в августе 1720 г. послом во Францию было назначено другое лицо, князь В.Л. Долгоруков [26. С. 4].

Возможно, первые благоприятные сообщения Шлейница и Щербатова повлияли на необычное решение Петра – позвать к себе беглого «ценного специалиста». В январе 1721 г. (т.е. буквально во время бегства Ло из Франции) Петр пишет наказ ассессору Берг-коллегии де Пресси о приглашении Джона Ло в Россию. В случае согласия царь обещает Ло княжеский титул, доходы с 2 тыс. дворов, охрану в 100 солдат и, если «господин Ляус» поступит на службу, чин действительного тайного советника. В России Ло предлагалось возглавить работу по развитию торговли с Персией [16. С. 136–138].

К счастью (для России), столь выгодное предложение (оно было передано де Пресси в марте 1721 г. во время его встречи с Ло в Брюсселе) не было принято. Ехать в далекую и холодную Россию из Европы, в которой он мог еще пригодиться, Джон Ло не захотел. Его дальнейшая жизнь прошла гораздо менее заметно. Получив наконец помилование за преступление, совершенное в молодости, он некоторое время жил в Лондоне, ожидая новых предложений, в том числе из Франции, однако интерес к его персоне постепенно угас. И он перебрался в более теплый климат, в Италию, где жил в Венеции, Риме, Генуе и занимался делом, которое он знал лучше всего, – игрой в карты. Смерть застала его в Венеции 21 марта 1729 г.

Итак, в качестве заключения отметим, что жизни двух примечательных исторических личностей, Джона

Ло и Петра I, могли бы дважды пересечься – в 1717 и 1721 гг. Но этого не случилось. До настоящего времени отсутствуют достоверные документальные свидетельства их встречи. Однако миф о их очном знакомстве проник (сначала как предположение, а потом и как утверждение) в серьезную историческую литературу и получил вторую жизнь в литературе научно-популярной, в том числе и в многократно растиражированных публикациях в Интернете.

Вероятнее всего, источником легенды о личном знакомстве Ло и Петра I послужило всего лишь примечание в книге французского историка Лемонте, которое было подхвачено и передано в утвердительной форме русскими авторами Н.М. Полевым и И.К. Бабстом. Некритически воспринятое, оно до настоящего времени бытует в российской популярной литературе и на страницах Интернета.

Вместе с тем нет дыма без огня. Действительно, банк Ло обслуживал финансовые расчеты царя Петра и его сопровождающих во время его визита во Францию в 1717 г. И действительно, Петр получал от своих сподвижников самые свежие данные о теоретических взглядах и (первоначально) удачной практической деятельности министра финансов Джона Ло при французском королевском дворе. Наконец, документально подтвержденным фактом является приглашение Ло со стороны Петра поступить к нему на службу. Это приглашение было сделано в самый неудачный для Ло момент, когда ему пришлось бесславно бежать из Франции после провала его финансовых преобразований. И все-таки отказавшийся от России Джон Ло вошел в канву нашей отечественной истории, почти всегда лишь сносками в трудах историков и примечаниями к собраниям сочинений классиков русской литературы.

Список источников

1. Law J.: Oeuvres complètes : trois tomes / publiées pour la première fois par Harsin Paul, professeur à l'Université de Liège. Paris : Recueil Sirey. 1934.
2. Faure E. La Banqueroute de Law: 17 juillet 1720. Paris : Gallimard publ., 1977. 742 p.
3. Murphy A. John Law: Economic Theorist and Policy-Maker. Oxford : Clarendon Press, 1997. 391 p.
4. Gleeson J. Millionaire: the Philanderer, Gambler, and Duelist Who Invented Modern Finance. New York : Simon & Schuster. 2000. 304 p.
5. McCall C. Cash, Credit and Chaos: a Brief History of the Life and Work of John Law (1671–1729), the Father of Credit Systems (Lesser Known Heroes). Matlock : Solcol, 2007. 182 p.
6. Buchan J. John Law: a Scottish Adventurer in the Eighteenth Century. London : MacLehose Press, 2018. 564 p. URL: https://books.google.ru/books?id=qSOxDAAAQBAJ&redir_esc=y
7. Adams G. Letters to John Law. Washington : Newton Page, 2012. 162 p.
8. Блауг М. 100 великих экономистов до Кейнса. СПб. : Экономикс, 2008. 352 с.
9. Бабст И.К. Джон Ло, или Финансовый кризис Франции в первые годы Регентства. М. : Университетская тип., 1852. 185 с.
10. Горн Э. Джон Ло. Опыт исследования по истории финансов. СПб. : Тип. А.С. Суворина, 1895. 369 с.
11. Аникин А.В. Юность науки : жизнь и идеи мыслителей-экономистов до Маркса. 2-е изд. М. : Политиздат, 1975. 384 с.
12. Аникин А. Бумажный змей Франции // Коммерсантъ. Деньги. 1998. № 37. С. 50–55.
13. Аникин А.В. История финансовых потрясений: российский кризис в сфере мирового опыта. 3-е изд. М. : Олимп- бизнес, 2009. 440 с.
14. Монсеев С.Р. История центральных банков и бумажных денег. М. : Вече, 2015. 536 с.
15. Полевой Н.А. История Петра Великого. СПб. : Тип. К. Жернакова, 1843. Ч. 4. 344 с.
16. Троицкий С.М. «Система» Джона Ло и ее русские последователи // Франко-русские экономические связи. М. : Наука, 1970. С. 90–138. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/France/XVIII/1720-1740/Sist_John_Law/framepred.htm
17. Мезин С.А. Петр I во Франции. СПб. : Европейский Дом, 2015. 310 с.
18. Law J. Money and Trade Considered: With a Proposal for Supplying the Nation with Money. Edinburg : The Heirs and Successors of Andrew Anderson publ., 1705. 226 p.
19. Редкие русские монеты XVIII – начала XX вв. : из собрания отдела нумизматики Государственного исторического музея. М. : Внешторгиздат, 1988. 30 с.
20. Библиотека Петра I : указ.-справочник / под ред. Д.С. Лихачева. Л. : Библиотека Акад. наук СССР, 1978. 213 с.
21. Law J. Consideration sur le commerce et sur l'argent : trad. de l'anglais. La Haye : Jean Nealme, 1720. 187 p.
22. Law J. Money and Trade Considered: with a Proposal for Supplying the Nation with Money. London : W. Lewis, 1720. 228 p.
23. Lemontey P.-E. Histoire de la régence et de la minorité de Louis XV. Paris : Paulin, 1832. 488 p.
24. Лаптева Т.А. «По указу вашего величества з живописцем договорился писать баталии». Документы РГАДА об исполнении парижскими мастерами заказа Петра I. 1717–1727 гг. // Исторический архив. 2011. № 1. С. 182–197. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/France/XVIII/1700-1720/Zakazy_zivopiscam/text.htm
25. Ганнибал А.С. Ганнибалы: новые данные для их биографий // Пушкин и его современники : материалы и исследования. СПб. : Комиссия для изд. соч. Пушкина при Отд-нии рус. яз. и словесности Имп. акад. наук, 1913. Вып. 17/18. С. 205–248.
26. Отечественная война и русское общество 1812–1912 / ред. А.К. Дживелегова, С.П. Мельгунова, В.И. Пичета. М. : Т-во И.Д. Сытина, 1911. Т. 1. 232 с.

References

1. Law, J. (1934) *Oeuvres complètes. Publiées pour la première fois par Harsin Paul, professeur à l'Université de Liège*. Paris: Recueil Sirey.
2. Faure, E. (1977) *La Banqueroute de Law: 17 juillet 1720*. Paris: Gallimard.
3. Murphy, A. (1997) *John Law: Economic Theorist and Policy-Maker*. Oxford: Clarendon Press.
4. Gleeson, J. (2000) *Millionaire: The Philanderer, Gambler, and Duelist Who Invented Modern Finance*. New York: Simon & Schuster.
5. McCall, C. (2007) *Cash, Credit and Chaos: A Brief History of the Life and Work of John Law (1671–1729), the Father of Credit Systems (Lesser Known Heroes)*. Matlock, UK: Solcol.
6. Buchan, J. (2018) *John Law: A Scottish Adventurer in the Eighteenth Century*. London: MacLehose Press.
7. Adams, G. (2012) *Letters to John Law*. Washington: Newton Page.
8. Blaug, M. (2008) *100 velikikh ekonomistov do Keynisa* [Great Economists Before Keynes]. Translated from English. St. Petersburg: Ekonomikus.
9. Babst, I.K. (1852) *Dzhon Lo, ili Finansovyy krizis Frantsii v pervye gody Regentstva* [John Law, or the Financial Crisis of France in the Early Years of the Regency]. Moscow: Universitetskaya tipografiya.
10. Horn, E. (1895) *Dzhon Lo. Opyt issledovaniya po istorii finansov* [John Law. Research on the History of Finance]. Translated from English. St. Petersburg: A.S. Suvorin.

11. Anikin, A.V. (1975) *Yunost' nauki: zhizn' i idei mysliteley-ekonomistov do Marksa* [The Youth of Science: The Life and Ideas of Economic Thinkers before Marx.] Moscow: Politizdat.
12. Anikin, A.V. (1998) Bumazhnyy zmey Frantsii [The paper kite of France]. *Kommersant*. Den'gi. 37. pp. 50–55.
13. Anikin, A.V. (2009) *Istoriya finansovykh potryaseniy: rossiyskiy krizis v sfere mirovogo opyta* [History of Financial Turmoil: The Russian Crisis in the Sphere of Global Experience] Moscow: Olimp-biznes.
14. Moiseev, S.R. (2015) *Istoriya tsentral'nykh bankov i bumazhnykh deneg* [History of Central Banks and Paper Money] Moscow: Veche.
15. Polevoy, N.A. (1843) *Istoriya Petra Velikogo* [History of Peter the Great]. Vol. 4. St. Petersburg: K. Zhernakov.
16. Troitskiy, S.M. (1970) “Sistema” Dzhona Lo i ee russkie nasledovateli [John Law's “System” and Its Russian Followers]. In: Braudel, F. (ed.) *Franko-russkie ekonomicheskie svyazi* [Franco-Russian Economic Relations]. Moscow: Nauka. pp. 90–138.
17. Mezin, S.A. (2015) *Petr I vo Frantsii* [Peter the Great in France]. St. Petersburg: Evropeyskiy Dom.
18. Law, J. (1705) *Money and Trade Considered: With a Proposal for Supplying the Nation with Money*. Edinburg: The Heirs and Successors of Andrew Anderson.
19. Uzenokov, V.I. (ed.) (1988) *Redkie russkie monety XVIII – nachala XX vv.: iz sobraniya otdela numizmatiki Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [Rare Russian coins of the 18th – early 20th century. From the collection of the numismatics department of the State Historical Museum] Moscow: Vneshtorgizdat.
20. Likhachev, D.S. (1978) *Biblioteka Petra I* [Peter the Great's Library]. Leningrad: USSR AS Library.
21. Law, J. (1720) *Consideration sur le commerce et sur l'argent*. La Haye (The Haag): Jean Nealme.
22. Law, J. (1720) *Money and Trade Considered: With a Proposal for Supplying the Nation with Money*. London: W. Lewis.
23. Lemontey, P.-E. (1832) *Histoire de la régence et de la minorité de Louis XV*. Paris: Paulin.
24. Lapteva, T.A. (2011) “Po ukazu vashego velichestva z zhivopistsem dogovorilsya pisat' batalii.” Dokumenty RGADA ob ispolnenii parizhskimi masterami zakaza Petra I. 1717–1727 gg. [“By your Majesty's decree, I agreed to paint battles with the painter.” The RGADA documents on the execution by Parisian craftsmen of the order of Peter I. 1717–1727]. *Istoricheskiy arkhiv*. 1. pp.182–197.
25. Gannibal, A.S. (1913) Gannibaly: novye dannye dlya ikh biografii [The Hannibals: New data for their biographies]. In: *Pushkin i ego sovremenniki: materialy i issledovaniya* [Pushkin and His Contemporaries: Materials and Research]. Vol. 17/18. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. pp. 205–248.
26. Dzhivegov, A.K., Melgunov, S.P. & Pichet, V.I. (eds) (1911) *Otechestvennaya voyna i russkoe obshchestvo 1812–1912* [The Patriotic War and Russian society 1812–1912]. Vol. 1. Moscow: I.D. Sytin.

Сведения об авторе:

Балабин Алексей Александрович – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН; доцент кафедры менеджмента Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: balabin-a-a@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Balabin Alexey A. – Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor of the Department of Management at Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: balabin-a-a@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 31.03.2021; принята к публикации 15.11.2024

The article was submitted 31.03.2021; accepted for publication 15.11.2024